

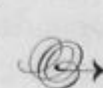
пад. ед. числа у слова *один* (*одно*) в муж. и ср. роде в речи представителей старшего возраста является обычной. Например: в аднЕм стакАне из десетИ крАсна вино з бЕлым смЕшана бЫла (Кшн.), в аднЕм мешкЕ ис петИ мЕлачь накОпана (Лм.), на аднЕм глазУ чЁ-та чЁрнинька пайэВИлася (Ч.), в аднЕм пенАле скОль предмЕтаф у йэВО памешшАтца (Л.), в аднЕм йАшшыке бЫла фсЁ привезЁна (Шр.), в аднЕм клупкЕ мнОга нИтак-та (Акс.), в аднЕм Ухе с утра зудИт (М.) и под. Ср. в тех же говорах: ф тЕм дамУ (Ст.), на тЕм акнЕ (Тн.), ф тЕм карЫте (Л., Шр.), на тЕм абручЕ (Ч.).

Эта диалектная особенность в данных говорах могла установиться в результате грамматической аналогии (с однЕм — в однЕм, как с тЕм — ф тЕм). На это указывает то, что форма предл. пад. с флексией *-ем* в говорах по нижней Конде встретила лишь в микросистемах, где отмечено такое же окончание и у местоимения *тот*: ф тЕм мисесУ (Н., Шм.), ф тЕм стакАне (Мл., Н., Елш.). По мнению Т. Ф. Байрамовой, «оно формирует парадигмы местоимений *весь, этот, один, сам*, т. е. все местоимения с основой на согласную группируются в одном словоизменительном классе» [Байрамова 1976: 76].

Под влиянием литературного языка в говорах идет процесс вытеснения форм предл. пад. на *-ем*: в аднОм килО пять йАблак (М.), на аднОм блюДичке, аНО ат мАмы астАлась, красИвый ресУнак (Кшн.), на аднОм бакУ сплЮ (Лм.), в аднОм дамУ (М-А, Ш.), в аднОм граФине (М., Ш., Шр.). Нередко в настоящее время наблюдается сосуществование форм: в аднЕм глазУ — в аднОм глазУ (Акс., М-А, Ш.), в аднЕм углУ — в аднОм углУ (Б., М., Ш.). Кроме того, на устранении указанной диалектной черты, по-видимому, сказывается воздействие соседних окающих

 ВСПОМИНАЯ 90-е
(Тюменские художественные выставки последнего десятилетия XX века)

Конец 80-х — начало 90-х гг. в Тюмени вспоминается необычайно бурным художественным брожением. Это был период, когда с полным правом можно было говорить об альтернативном искусстве, представленном молодыми дерзкими авторами, не желающими быть скучными и не боящимися быть смешными и нелепыми. Читатели нашего журнала уже имели возможность познакомиться с творчеством некоторых из них, могли прочитать статьи об истории художественных выставок тех лет в предыдущих номерах «Филологического дискурса» (выпуски № 2 за 2001 г., № 3 за 2003 г. № 4 за 2004 г.). За одно десятилетие появилась плеяда талантливейших живописцев, творчеству которых посвящен альбом «Новое искусство Тюмени», изданный в Екатеринбурге в 1996 г. Примечательно, что участие в совместных экспозициях отнюдь не сделало художников похожими друг на друга (что можно наблюдать сегодня), а напротив, подчеркивало уникальность и неповторимость каждого.

В этом номере мы размещаем материалы, посвященные истории одного явления: это небольшие групповые выставки, демонстрирующие работы двух или нескольких авторов, имеющие камерный характер, но оказавшие существенное влияние на восприятие современниками искусства 90-х. Состоявшаяся в 1989 г. выставка «Улицы и мы», сопровождавшаяся перформансами, чтением стихов, музыкальными выступлениями, была задумана и осуществлена О. Федоровым и О. Власовым, оставившим после себя небольшое, но очень ценное художественное наследие. Его насыщенные, экспрессивные графические рисунки построены на контрасте белого цвета бумаги и черного штриха, бурного, вихрящегося, заставляющего забыть о спокойствии. Столь же экспрессивна живопись О. Власова, хотя в ней есть какая-то затаенная, тревожная неподвижность. 

Так получилось, что авторы всегда большое внимание уделяли слову, поэзии, брались создавать иллюстрации к литературным произведениям. Свидетельство тому — представленные в номере рисунки О. Федорова к текстам Ж. Превера, Г. Лорки. Трудно даже назвать их иллюстрациями, потому что для художника важнее не воспроизведение сюжетной стороны, а передача ощущений, вызванных словом. Главное — как можно точнее попасть в настроение поэта, соткать образ из эмоциональных впечатлений, переживаний. В живописи О. Федорова полнее, чем у других авторов, проявился дух времени, состояние, свойственное молодежи тех лет. Причем художник передает это не через события, а через взгляд на вещи, на знакомые городские виды, на излюбленных героев. Среди кумиров оказался В. Маяковский, портрет которого с рисованной лошадью на щеке напоминает о совместных с Д. Бурлюком акциях, когда они, будучи студентами Московского училища живописи, ваяния и зодчества, разгуливали по городу с раскрашенными лицами, громко декламируя собственные поэтические творения.

С 1990 г. в Тюмени было проведено с периодичностью в 1-2 года несколько выставок под названием «Гусь». Число участников менялось от экспозиции к экспозиции, но можно обозначить классический состав: С. Перепелкин, А. Чемакин, А. Ердяков, А. Кухтерин. Иногда появлялись другие авторы, иногда с группой выступали вдохновленные примером друзья — «нехудожники». Так, однажды на выставке можно было увидеть работы К. Михайлова, знакомого читателям «Дискурса» по литературным публикациям (наличествующим и в этом номере). «Гусь» распространил свое влияние даже на зарубежье, в 1992 г. выставка демонстрировалась в северных городах Германии, в 1993 г. в Польше, в городе Лешно.

Большинство авторов также знакомо постоянным читателям нашего вестника. Репродукции работ, созданных за последние годы, уже были опубликованы. Сегодня мы бы хотели наряду с новыми показать произведения периода «Гуся», выполненные, можно сказать, начинающими

говоров Ханты-Мансийского района (самаровских говоров), в которых слово *один* (*одно*) в форме муж. и ср. рода в предл. пад. ед. числа последовательно употребляется с флексией *-ом* (в *однОм* глазУ, в *однОм* рублЕ и под.). Таким образом, в результате взаимодействия разносистемных говоров и влияния литературного языка в сургутских и березовско-обдорских говорах в предл. пад. ед. числа устанавливается окончание *-ом*.

Сохранение склонения слова *один* (*одно*) по образцу указательного местоимения *тот* (*то*) в архаическом слое говоров Северного Зауралья можно объяснить тем, что оно, как и в литературном языке [Русская грамматика 1980: 542, 572], продолжает «сохранять омонимические связи с неопределенным местоимением» [Хабургаев 1981: 267], данное слово часто употребляется в значении «какой-то», «некоторый», заменяет отсутствующее в говорах местоимение «некий». Например: *одИн стАрой человЕк говорЕл, штО мОлнейа ударЯт в людЕй врЕдных* (Чмб.); *у одноВО человЕка ружйО-то спряТано бЫло* (Тр.); *к одномУ рыбаку пришОл по сЕть* (Н-С); *одноВО нАшова парнИшка прИнесли на шофЁра-та учИтца* (Л-Ф); *с аднЕм дрУгам анЕ сЯли на кАтер* (Срг.); *с однЕм транвАйом уйЭхали* (Ел.); *за аднЕм мужыкОм атпрАвили рЫбу-ту* (Ст.); *с однЕм парнИшком до утрА блудИли по лесу-ту* (Лш.); *в аднЕм мЕсте на йАгады натакАлися* (Кшн.); *в аднЕм мЕсте в нЯшу правалИлися* (Лм.); *в однЕм дЕле* (Б., Н. -Нр., М-А) и под. Нужно учесть и то, что в говорах, как и в литературном языке, слово *один* имеет «ослабленную счетно-числовую семантику, ибо единичность передается уже самим единственным числом существительного» [Шанский 1958: 301].

1.02. Сходная с указательным местоимением парадигма зафиксирована у слова *один* и в форме жен. рода.

а) В род, дат., твор. и предл. падежах употребляется омонимичная флексия *-ой* (ср. тОй): у однОй перчАтки пАлец роспорОлса (Бг.), из однОй рукавИцы рука вывАливатца (Бл.); па аднОй стерляТке фсЕм дастАлася (Акс.), па аднОй рЮмачке выпили при стрЕче-та (Ч.), по однОй дорОге иди и не сворАчивай (Ц.); с аднОй карзиНай не дАташшУся (Ст.), за аднОй бОчкой спряталса (Плн.); гледИ, в однОй руке такУ сумИшшу волокЁт (Н-С), в однОй опТеке ф Хантах купиИли нУжно-то лекАрсво (Сел.) и под. Заметим, что чаще всего форма *одной* употребляется не в числовом значении.

б) В вин. пад. в традиционном слое русских старожильческих говоров Северного Зауралья отмечено четыре варианта двусложного падежного окончания: *-уйО*, *-ойО*, *-ойУ*, *-уйУ*. Наиболее широкое распространение получила форма вин. пад. жен. рода *однуйо*. Она свойственна самаровским, кондинским и березовским говорам. Например: *однуйо дЕвочку не оставиш* (Лш.), *однуйо старУшку* (Бел., Ел.), *в однуйо стОрону* (Тр., Сух.), *однуйо дЕушку не отправляй* (Зв.), *бЫло шЭсь такИх чАшок, однуйо йА розБИла* (Бз.), *однуйо корОушку пришлОся продАть* (Бл.); *аднуйо кнИгу ана уш прачитАла* (Н. -Нр.), *аднуйо сестрУ у йЭй Аннай заУт* (Ч.), *в однуйо квартЕру* (М-А), *аднуйо скАску*, *аднуйо дЕфку* (Б.). Ср. в тех же говорах: *туйО дЕушку* (Сух., Тр.), *туйО лОтку* (Н., Шм.), *туйО зИму* (Б., Ч.).

В акающих говорах Сургутского района в соответствии с их фонетической системой форма вин. пад. ед. числа жен. рода имеет вид *аднайо*, в обдорских и части кондинских — *однойо* (параллельно с *однуйо*).

художниками. Любопытно наблюдать, как в ранних графических рисунках, карандашных набросках уже чувствуются все те тенденции, которые станут определяющими в дальнейшем творчестве. А. Чемакин уже тогда был забавно-ироничным и предельно лаконичным. Минимум средств, одной линией очерчен силуэт, несколько дополнительных штрихов — и перед нами возникают очень выразительные картинки с каким-нибудь незамысловатым бытовым сюжетом. Ирония С. Перепелкина острее. Он всегда утрирует формы, прибегает к стилизации, акцентирует характерные черты героев, где-то доходя до «черного юмора». Собственно, это тоже бытовые сценки, но доведенные до абсурда, благодаря чему перед зрителем вдруг раскрывается нечто такое, что он вовсе не рассчитывал увидеть. Ранний А. Ердяков, как сегодня, предстает автором задумчивым, погруженным в какое-то свое время и пространство. При этом ему удается оставаться удивительно трезвым и рациональным. А. Кухтерин, для которого шаг в будущее возможен только через осознание исторического прошлого, уже тогда экспериментировал со словом в изображении, сопровождая графический рисованный образ поэтическими надписями, орнаментальными знаками и другими символами, придающими произведению глубину.

Сегодня у читателей есть возможность взглянуть на участников «Гуся» и на их творчество глазами самих художников. Воспоминания С. Перепелкина, высказывания друг о друге и портреты друг друга (теперь уже и не вспомнить, кто кого изобразил на воспроизводимой листовке-плакате к выставке) позволяют вновь перенестись в 1990-е гг., вспомнить то лукавое и беззаботно-веселое настроение, ощущение свободы, оттого что у тебя ничего нет и потому ничто не заботит и не напрягает. Ощущение «полной отвязности» (это выражение я впервые услышала от Майка Науменко) и одновременно безграничной ответственности за все, что происходит в мире. Наверно, мы все тогда думали подобным образом. 